

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» В ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА “THE HAUNTED MAN AND THE GHOST’S BARGAIN” И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.А. Тимофеева

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей языковой репрезентации образов «сверхъестественного» и «потустороннего» на материале повести Ч. Диккенса “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” (1848 г.). В исследовании проводится сопоставительный анализ аутентичного текста повести с двумя ее русскоязычными версиями — Ф.Ф. Резенера (1875 г.) и Н. Галь (1959 г.). Также в статье анализируются основные принципы передачи лексических единиц, словосочетаний и предложений с компонентом «сверхъестественное» с английского на русский язык. Актуальность исследования обусловлена недостаточной степенью изученности проблемы передачи языковых единиц с семантическим компонентом «сверхъестественное» с английского на русский язык в текстах мистической тематики. Цель статьи — проанализировать основные особенности межъязыковой передачи лексических единиц, словосочетаний и предложений с компонентом «сверхъестественное» и выявить закономерности применения того или иного переводческого приёма.

Ключевые слова: сверхъестественное, лексическая единица, словосочетание, предложение, перевод, коннотация, слово, семантика, переводческий прием.

Для цитирования: Тимофеева А.А. Особенности языковой репрезентации понятия «сверхъестественное» в повести Ч. Диккенса “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” и ее переводах на русский язык // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Часть 2. С. 431–438. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-431-438

431

FEATURES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SUPERNATURAL” IN DICKENS’S STORY “THE HAUNTED MAN AND THE GHOST’S BARGAIN” AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

А.А. Timofeeva

Abstract. The article analyzes the features of language representation of “supernatural” and “otherworldly” images in Charles Dickens’ story “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” (1848). The comparative analysis of the authentic text of the story with its two Russian versions — by F.F. Resener (1875) and N. Gal (1959) is carried

© Тимофеева А.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

out. The article also examines the basic principles of translating lexical units, word combinations and sentences with the component “supernatural” from English into Russian. The relevance of the research is due to the lack of study of translating linguistic units with the semantic component “supernatural” from English into Russian in the texts of mystical themes. The aim of the article is to analyze the main features of interlingual transfer of lexical units, word combinations and sentences with the “supernatural” component and to reveal the regularities of the use of a particular translation technique. Keywords: supernatural, lexical unit, word combination, sentence, translation, connotation, word, semantics, translation technique (method).

Keywords: supernatural, lexical unit, word combination, sentence, translation, connotation, word, semantics, translation technique (method).

Cite as: Timofeeva A.A. Features of Language Representation of the Concept “Supernatural” in Dickens’s Story “The Haunted Man And The Ghost’s Bargain” and its Translations into Russian. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 431–438. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-431-438

Привидения как представители потустороннего (загробного) мира признаются в Великобритании неотъемлемой частью национальной культуры, поэтому, вероятно, не случайно выдающийся английский писатель Чарльз Диккенс довольно часто в своих произведениях обращался к образам мистических, сверхъестественных существ. Следует отметить, что значительную часть сюжетных линий автор посвящает именно призракам и духам, посещающим мир живых в период рождественских праздников. Среди произведений, посвященных теме *потустороннего*, можно выделить повести Ч. Диккенса “A Christmas Carol in prose” («Рождественская песнь в прозе») (1843 г.) и “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” («Одержимый, или сделка с призраком») (1848 г.). Именно Ч. Диккенс считается фактически основоположником мистической британской литературы [1].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать особенности языковой репрезентации понятия «сверхъестественное» на примере оригинального текста повести Ч. Диккенса “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” и

двух его русскоязычных версий, подготовленных российским педагогом-гуманистом и переводчиком Фёдором Фёдоровичем Резенером в 1875 г. и выдающейся советской переводчицей и литературоведом Норой Галь в 1959 г.

Первая лексическая единица (далее ЛЕ) с компонентом «сверхъестественное» встречается уже в самом названии повести *haunted/одержимый*. Отметим, что ЛЕ «одержимый» функционирует в русском языке в различных значениях, обусловленных в основном ее контекстуальным окружением. Прежде всего, это слово имеет значение, не относящееся к сфере «сверхъестественного», используемое для представления образа человека безумного, охваченного навязчивой идеей. Если же углубиться в этимологию данной ЛЕ, выясняется, что она появилась еще в церковно-книжном языке и применялась в религиозной литературе в тех случаях, когда речь шла о человеке *бесноватом, т. е. ведомом бесом (нечистой силой)* [2].

В русскоязычной интерпретации повести, выполненной Ф.Ф. Резенером, название представлено словосочетанием «одержимый духом» [3]. Переводчик

использует *модуляцию*, сокращая название и одновременно подчеркивая *бесноватость* главного героя повести — одинокого ученого мистера Редлоу. Смысловая трансформация в данном случае достигается посредством применения приемов *генерализации* и *опущения*, что позволяет Ф.Ф. Резенеру представить лишь обобщенную версию названия повести, не акцентируя внимание читателя на семантической дифференциации понятий *призрак* (как видимое *сверхъестественное* существо) и *дух* (подчеркнуто невидимая энергетическая субстанция, подчас ощущаемая, наделенная голосом, слышимым во время так называемых спиритических сеансов). Переводчик опускает слово «делка», что, на наш взгляд, является смысловым упущением ввиду указания Ч. Диккенсом в оригинальном названии повести на основную сюжетную линию произведения [4]. Эквивалентной интерпретацией является название повести в русскоязычной ее версии, подготовленной Н. Галь, «*Одержимый, или сделка с Призраком*» [5] в связи с тем, что переводчик подбирает словарное соответствие ЛЕ “*ghost*” — *призрак*, пословно воспроизводя все элементы аутентичного предложения, опуская лишь семантически избыточное слово *man/человек* ввиду необходимой адаптации названия к лексической сочетаемости, характерной для русского языка. Таким образом, переводчик использует прием *калькирования*, что является действительно полноценным способом межъязыковой передачи названия рассматриваемой повести [6].

При осуществлении сопоставительного анализа русских переводов повести Ч. Диккенса “*The Haunted Man and the Ghost’s Bargain*” отмечается стремление обоих переводчиков к применению языковой синонимии и пословной передаче

единиц, входящих в исходное словосочетание [там же]. Приведем пример из аутентичного текста повести: *the ghost of Giles Scroggins* [7]: *призрак Джилля Скруджинса* (Ф.Ф. Резенер, 1875 г.) [3]; *призрак Джэйлса Скроггинса* (Н. Галь, 1959 г.) [5].

Оба переводчика подбирают полноценный эквивалент английской ЛЕ *the ghost* — *призрак*. Интересной деталью отмечается факт дифференцированной передачи имени и фамилии *призрака* в двух рассматриваемых русскоязычных версиях повести. Однако оба варианта перевода полностью отвечают требованиям адекватности в связи с тем, что звукобуквенные соответствия английского и русского языков воспроизводятся верно, а ономастические детали не представляют существенной важности при рассмотрении особенностей языковой репрезентации образов «*сверхъестественного*» в тексте повести.

Рассмотрим особенности межъязыковой передачи словосочетания *a haunted man* [7]. В интерпретации Ф.Ф. Резенера видим применение языковой синонимии и пословную передачу элементов, входящих в состав данного словосочетания: «*Все говорили, что наружность его обличала человека, посещаемого призраками*» [3]. Следует отметить, что Ф.Ф. Резенер вынужден использовать прием *описательного перевода* ввиду отсутствия в русском языке полноценного эквивалента английскому слову *haunted*. Единственным соответствием может быть русское словосочетание *ведомый бесом*, однако переводчик приводит именно это пояснение рассматриваемого явления — *посещаемый призраками*. В русскоязычной версии повести, выполненной Н. Галь, выявляем обобщенную передачу словосочетания *a haunted man*: «*Все говорили, что этот человек похож*

на *одержимого*» [5]. Отметим также, что коннотация *сверхъестественного, потустороннего* образа теряется, и перед нами предстает, скорее, описание душевно больного человека. По сюжету повести главный герой одержим *призраком* самого себя, однако это становится понятно лишь в ходе дальнейшего повествования. Ф.Ф. Резенер, переводя близко к тексту, сохраняет образ «сверхъестественного» и в рассматриваемом предложении.

Интерес для рассмотрения представляет описание обстановки помещений дома главного героя, отражающее его одержимость потусторонними силами: “*Who that had seen him in his inner chamber, part library and part laboratory...far and wide, a learned man in chemistry, and a teacher on whose lips and hands a crowd of aspiring ears and eyes hung daily, who that had seen him there, upon a winter night, alone, surrounded by his drugs and instruments and books; the shadow of his shaded lamp a monstrous beetle on the wall, motionless among a crowd of spectral shapes raised there by the flickering of the fire upon the quaint objects around him; some of these phantoms (the reflection of glass vessels that held liquids), trembling at heart like things that knew his power to uncombine them...; who that had seen him then, his work done, and he pondering in his chair before the rusted grate and red flame, moving his thin mouth as if in speech, but silent as the dead, would not have said that the man seemed haunted and the chamber too?*” [7]. Среди словосочетаний, лексических единиц и конструкций, приобретающих коннотацию *сверхъестественных, потусторонних* образов, можно выделить *a monstrous beetle* — *чудовищный жук*; *spectral shapes* — *призрачные очертания*; *phantoms* — *фантомы*; *moving his thin mouth as if in speech, but silent as the dead* — букв. «шевели тонким ртом, будто разговаривая, но

молча, как мертвец»; *the man seemed haunted and the chamber too* — букв. «человек казался одержимым (призраками), и комната — тоже (призраки посещали комнату)».

Переводчик Ф.Ф. Резенер предлагает следующую интерпретацию рассматриваемого отрывка: «*Кто-бы не сказалъ того же, видя описываемаго мною человека въ его кабинетѣ, полу-библіотеки и полу-лабораторіи? Потому что, какъ было известно окрестъ и по соседству, человекъ этотъ былъ знатокъ въ химіи и профессоръ, руки и уста котораго ежедневно приковывали вниманіе множества слушателей. Кто-бы не сказалъ того же, видя его зимнимъ вечеромъ въ этомъ кабинетѣ, окруженнаго растворами, инструментами и книгами, при свете лампы, накрытой абазуромъ и бросавшей на стену тень, похожую на огромнаго жука и неподвижную среди множества колеблющихся теней, когда светъ вспыхивавшаго каминнаго огня падалъ на окружавшіе хозяина странные предметы? Изъ нихъ стеклянные сосуды съ жидкостей бросали тени, трепетавшія въ сердце предъ силою хозяйина разложить ихъ и возвратитъ ихъ составныя части огню и пару. Кто не сказалъ-бы того же, видя его здесь за оконченной работой, качающагося на стуле передъ ржавою решеткой и краснымъ пламенемъ, шевелящаго губами какъ-бы въ разговорѣ, но безмолвнаго, какъ могила?» [3] Прежде всего, в ранней русскоязычной версии повести прослеживается стремление переводчика приводить более обобщенные значения языковых единиц, что не позволяет полноценно сохранить коннотацию *сверхъестественных, потусторонних* образов:*

- *a monstrous beetle* — огромный жук (лексическая замена и калькирование);
- *spectral shapes* — колеблющиеся тени (целостное преобразование/генерализация/модуляция);

- *phantoms* — тени (лексическая замена/генерализация).

Тем не менее, конструкцию *moving his thin mouth as if in speech, but silent as the dead* Ф.Ф. Резнер переводит практически пословно, лишь частично применяя прием замены, существенно не влияющий на полноту ее смысловой передачи на русский язык (*шевелищаго губами какъ-бы въ разговорѣ, но безмолвнаго, какъ могила*):

- *thin mouth* — губы (семантическая потеря «потусторонней» коннотации);

- *the dead* — могила (смежное значение — компенсация — образное мистическое сравнение).

Следует также отметить, что конструкция *the man seemed haunted and the chamber too* переводчиком опускается, что, на наш взгляд, является стилистическим упущением, подчеркивающим частичную семантическую утрату *сверхъестественной* коннотации рассматриваемого отрезка текста.

В интерпретации Н. Галь *потусторонняя, сверхъестественная* коннотация рассматриваемых единиц все-таки сохраняется: «*Видя, как он сидит в своей уединенной комнате, то ли библиотеке, то ли лаборатории – ибо, как известно всему свету, он ученый химик и профессор, к чьим словам прислушиваются изо дня в день толпы учеников, – видя, как он одиноко сидит там зимним вечером в молчаливом окружении колб с химическими веществами, приборов и книг, а тень от прикрытой абажуром лампы, точно исполинский жук, прилепилась на стене, и лишь она одна недвижна среди всех зыбких теней, которые неверное пламя камина отбрасывает от причудливых предметов, наполняющих комнату (иные из этих призрачных силуэтов – отражения стеклянных сосудов с какой-либо жидкостью — трепещут порою в страхе, точно*

живые твари, знающие, что он властен разложить их на составные части, предать огню и обратить в пар); видя его в этот час, когда дневной труд окончен и он сидит, задумавшись, в кресле, перед багровым пламенем, пляшущим за ржавой каминной решеткой, и **шевелит тонкими губами, с которых, однако, не слетает ни звука, точно с безмолвных уст мертвеца**, – кто не сказал бы, что, должно быть, и этого человека и эту комнату **посещают привидения?**» [5]. Переводчик придерживается принципа межъязыковой синонимии:

- *monstrous beetle* — исполинский жук (лексическая замена и калькирование);

- *spectral shapes* — призрачные силуэты (калькирование — полноценное соответствие).

Н. Галь использует модуляцию при передаче конструкции *трепещут порою в страхе, точно живые твари, знающие, что он властен разложить их на составные части, предать огню и обратить в пар*, подчеркивая *сверхъестественную, inferнальную* атмосферу, царящую в кабинете ученого. Также переводчик сохраняет выразительное сравнение, отраженное в аутентичном тексте, чтобы передать *потусторонний* образ самого главного героя: *moving his thin mouth as if in speech, but silent as the dead* — *шевелит тонкими губами, с которых, однако, не слетает ни звука, точно с безмолвных уст мертвеца*. Пословная передача конструкции *the man seemed haunted and the chamber too* (и этого человека и эту комнату посещают привидения) в целом отвечает требованиям адекватности и полноценно интерпретирует интенцию автора.

В ходе анализа аутентичного текста повести Ч. Диккенса “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” обращаем внимание на факт частотности употребления автором ЛЕ *haunted* как средства

языковой репрезентации понятия «сверхъестественное». Так, данная единица встречается в составе словосочетаний, характеризующих образ жизни главного героя: *haunted tone* — букв. «оттенок тревожности, призрачности, одержимости» и *haunted ground* — букв. «земля, населенная призраками; территория призраков; призрачная территория». Приведем предложение из оригинального текста повести: “Who might not, by a very easy flight of fancy, have believed that everything about him took this **haunted tone**, and that he lived on **haunted ground**?” [7]. Ф.Ф. Резенер применяет модуляцию, интерпретируя рассматриваемый отрезок текста в целом адекватно, но не пословно, приближая вариант межъязыковой передачи, скорее, к вольному переводу [8]: «Кого легкой порывъ воображенія не убедиль-бы въ томъ, что и жилище этого человека, и все окружающее, и даже обитаемая имъ почва зачарованы?» [3]. ЛЕ зачарованы является лишь частичным эквивалентом слова *haunted*. Переводчик решил не подбирать словарное соответствие исходной единице. Прием модуляции использует и Н. Галь: «Кто, отдавшись во власть крылатого воображения, не поверил бы, что все вокруг этого человека отмечено печатью чего-то сверхъестественного и живет он среди призраков?» [5]. Следует отметить, что оба варианта перевода оригинального отрезка текста сохраняют коннотацию *сверхъестественного, потустороннего*.

ЛЕ *ghost* в аутентичном тексте повести встречается, например, в составе сложных словосочетаний: *mustering swarms of ghosts* — букв. «собирающиеся стаи призраков; призраки, собирающиеся стаями». Приведем предложение с данным словосочетанием: “When twilight everywhere released the shadows, prisoned up all day, that now closed in and gathered like

mustering swarms of ghosts” [7]. В ранней русскоязычной версии повести Ф.Ф. Резенер использует приемы модуляции и калькирования: «...когда везде сумерки освобождаютъ находившіяся съ утра въ заключеніи тени, которыя теперь **стекаются подобно безчисленнымъ легионамъ призраковъ**» [3]. Прежде всего, переводчик сохраняет стилистическую образность передаваемого отрезка текста, подчеркивающую атмосферу *сверхъестественного, потустороннего*. Н. Галь также удается интерпретировать рассматриваемое предложение образно, передавая атмосферу мира загробного, inferнального, сопряженного с миром реальным: «Когда из сумрака повсюду выходят тени, весь день томившиеся в неволе, и **собираются толпою, точно призраки на смотр**» [5] (приемы модуляции и калькирования).

В оригинальном тексте повести Ч. Диккенса “The Haunted Man and the Ghost’s Bargain” видим ЛЕ *ghostlier* — букв. «призрачнее» (сравнительная степень от англ. *ghostly* — призрачный), введенную автором в реплику второстепенного героя, характеризующего мистера Редло: “Here’s Mr. William, sir! He looks lonelier than ever tonight”, whispering to his wife, as he was taking the tray, “and **ghostlier altogether**” [7]. В ранней русскоязычной версии повести, подготовленной Ф.Ф. Резенером, применяется прием модуляции, позволяющий представить достаточно любопытную и вольную передачу аутентичного отрезка текста: «Вотъ мистеръ Вилліамъ, сударь! Затемъ онъ наклонился къ уху жены и шепнулъ ей: «Сегодня вечеромъ онъ мрачнее обыкновеннаго, и его глаза еще более **обличаютъ духовидца!**» [3]. Семантически ЛЕ *духовидец* является полноценным эквивалентом словам *спирит/медиум*, обозначающим человека, обладающего

способностью общаться с **духами** [2]. Тем не менее в аутентичном предложении эта понятийная категория не представлена. В более поздней русскоязычной версии повести, выполненной Н. Галь, также выявляем прием *модуляции* и употребление разговорного, устоявшегося речевого оборота, не содержащего коннотации *сверхъестественного, потустороннего* образа: «*Вот и мистер Уильям, сэр! Он сегодня совсем тень тенью, шепнул он жене, беря у нее поднос*» [5].

В целом необходимо отметить, что оба перевода рассматриваемой повести являются в достаточной степени адекватными, а эквивалентность ряда сегментов текста, несущих в себе компонент

«сверхъестественное», не подлежит сомнению. Так, оба переводчика чаще всего используют приём *модуляции*, оправданность/неоправданность применения которого определяется контекстом. Кроме того, оба переводчика стремятся подбирать *наиболее точные эквиваленты* при передаче значений исходных языковых единиц. Но в ряде случаев прослеживается явление *вольного перевода*, что характеризуется, в первую очередь, интенцией переводчиков к привнесению стилистически обусловленных, «сказочных» деталей, позволяющих придать русскоязычным версиям повести атмосферу *сверхъестественного, потустороннего, инфернального, мистического* повествования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ackroyd, P. *Charles Dickens*. L.: Minerva, 1991. 1256 p.
2. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Диккенс, Ч. Одержимый духомъ. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1848_the_haunted_man-oldorfo.shtml (дата обращения: 02.04.2021).
4. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
5. Диккенс, Ч. Одержимый, или сделка с призраком. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9324> (дата обращения: 03.04.2021).
6. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Dickens, Ch. The Haunted Man and the Ghost's Bargain. URL: https://royallib.com/read/Dickens_Charles/The_Haunted_Man_and_the_Ghosts_Bargain.html#0 (дата обращения: 01.04.2021).
8. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

REFERENCES

1. Ackroyd P. *Charles Dickens*. L.: Minerva, 1991, 1256 p.
2. Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed: 04.04.2021). (in Russ.)
3. Dickens Ch. “*Oderzhimyj duhom*” [The Haunted Man and the Ghost's Bargain]. Available at: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1848_the_haunted_man-oldorfo.shtml (accessed: 02.04.2021). (in Russ.)

4. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie* [Introduction to Translation: Textbook.]. Saint-Petersburg, Filologicheskij fakultet SPbGU; Moscow, Izdatelskij centr "Akademiya", 2004, 352 p. (in Russ.)
5. Dickens Ch. *Oderzhimyj, ili sdelka s prizrakom* [The Haunted Man and the Ghost's Bargain]. Available at: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9324> (accessed: 03.04.2021). (in Russ.)
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Translation Theory (Linguistic Aspects): Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 253 p. (in Russ.)
7. Dickens Ch. *The Haunted Man and the Ghost's Bargain*. Available at: https://royallib.com/read/Dickens_Charles/The_Haunted_Man_and_the_Ghosts_Bargain.html#0 (accessed: 01.04.2021).
8. Garbovskij N.K. *Teoriya perevoda: Uchebnik* [Translation Theory: Textbook]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2004, 544 p. (in Russ.)

Тимофеева Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, aa.timofeeva@mpgu.su

Anastasiya A. Timofeeva, PhD in Philology, Associate Professor, Contrastive Linguistics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, aa.timofeeva@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 12.07.2021. Принята к публикации 09.09.2021

The paper was submitted 12.07.2021. Accepted for publication 09.09.2021